

сали Державин, Пушкин, Лермонтов, Блок, Маяковский, Есенин, Цветаева.

О чем же книга Альберти?

Замечательное, до мозга костей испанское, стихотворение «Матадор». Это диалог матадора и быка. Матадора, блистательного, самоуверенного, первые реплики которого звучат так: «Я пришел убить тебя. Я обработаю тебя с блеском». И быка, обреченного на смерть и все-таки побеждающего.

Здесь есть впечатляющая картина корриды. Но мне кажется, здесь есть и другой образ: Испании, где рано или поздно быки побеждают матадоров. В книге несколько стихов о генерале, том самом, чьи люди убили Лорку и изгнали Альберти. Генерал тоже стал старше — на тридцать лет без малого. И вот он разговаривает с зеркалом — о многих вещах, но более всего о смысле генеральской жизни. За дело или не за дело генерал послал на смерть миллионы людей?

В другом стихотворении: «Вот явился генерал. — Что угодно генералу? — Шпагу хочет генерал. — Больше нет шпаг, генерал».

Оказывается, что для генерала больше нет ни полей, ни битвы, ни любовницы, ни большой бочки вина, ни хорошего куска мяса, ни даже глотка воды, что ему даже нельзя затеряться на земле.

И вот в разрушенном мире нет уже генерала, и мир начинается снова, но уже без этого генерала.

Много лет мы прислушиваемся к диалогу поэта и генерала, поэта, пишущего стихи, и генерала, их запрещающего. Начали диалог два крепких человека. Сейчас его ведут два старика. Сейчас ясно, что последнее слово остается за поэтом.

Стихотворение «Нищий» такое короткое и такое хорошее, что я выписываю его целиком. Нищий поет:

Дамы и господа-а-а,
господа ради пода-айте
милостыню старику-у-у!

Господа бога ради милостыньку старику!
Ради господа бога милостыньку старику!
Подадут мне или нет ради господа бога?
Подадут мне или нет ради господа бога ради?
Подайте бедному старику
милостыньку бога ради!
Подайте бедному старику
милостыньку ради бога!
Неужто никто не подает милостыню
ради господа бога бедному старику?
Неужто никто не подает милостыньки
господа бога ради бедному старику?
Для бедного старика, который умирает от

неужто не найдется подаяния?
Бедно старику, который умирает от

неужто никто не кинет подаяния?
Господа бога ради подайте милостыньку!
Ради господа бога подайте!..
Господа бога ради!..
Ради господа!.. В бога, в душу, в мать!
Сколько же сукиных детей есть на свете!

В стихотворении «Статуя», открывающем книгу, «забытая всеми... одинокая лесная статуя», умирающая от одиноче-

ства, отрывает стопы от пьедестала и идет к людям. Это же произошло и с поэзией Рафаэля Альберти. Она преодолела забвение, преодолела запрещение, преодолела границы. Она — дошла. До стран испанского языка. До Испании и до всего мира.

В такой книге, как эта, естественно и надежда и отчаяние. Однако надежды в ней больше.

БОРИС СЛУЦКИЙ

ПОВЕСТИ «ХУАБЭНЬ»

Проделки праздного дракона. Шестнадцать повестей из сборников XVII века. Перевод с китайского Д. Воскресенского. Предисловие Виктора Шкловского. Комментарии Д. Воскресенского. Литературная редакция перевода Ф. Протасова. Стихи в переводах Л. Черкасского под редакцией Ал. Ревича. Москва, «Художественная литература», 1966. 490 стр.

Из двухсот китайских старых повестей «хуабэнь» переводчик выбрал шестнадцать. Книга «Проделки праздного дракона» — увлекательное чтение. В ней ничего не выдуманно. Так, по крайней мере, утверждает рассказчик («Вы можете не верить всему, что здесь рассказано, и тем не менее это истинная правда»). Самое невероятное — встречи с высшими духами или с низменными оборотнями — не приведет нас в смущение и не покажется неожиданным. Повесть «хуабэнь» — народное детище. Она рассказывалась там, где собирались люди, обростала бытовыми и фантастическими подробностями и, благодаря писателям XVI—XVII веков Фэн Мэн-луну и Лин Мэн-чу, записанной и, конечно, обработанной, пришла к нам.

Повести разнообразны. И наивный и сложный мир открыт перед нами. В нем освещено не все. В нем чаще, чем крестьянин, попадаетея нам на глаза торговец, или чиновник, или юноша, видящий свое будущее в сдаче экзаменов и успешном продвижении по службе. А то и странствующий монах или буддийская монахиня, пытающаяся скрасить запретными радостями предписанное ей одиночество. И воры и разбойники, которые могут помочь бедняку, и воюющие и разбойничающие чиновники, которые всегда готовы обобрать бедняка. Все они здесь в самых разных внезапных обстоятельствах, в сложности и сплетенности приключений.

Повести нравоучительны. В них восхваляется нравственность, иногда кажущаяся нам несколько условной. Но в конце концов мы убеждаемся, что она не противоречит и нашим представлениям о долге, честности, верности.

В шестнадцати этих повестях сюжетов

СРЕДИ КНИГ

намного больше: основному рассказу почти всегда предшествует нравоучительное сообщение, как бы объясняющее тему и сущность всего последующего. В любой повести цепь интереснейших, смешных и трагических событий, а они рассыпают перед нами вороха сведений.

Действительность и фантастика. Все фантастическое включается в реальный мир и не мешает, а скорее покровит ему. Действительность — это богатство и бедность, притеснения чиновников, страх перед ними, нежность любви и отчаяние потери. Действительность — это конфуцианский идеал получения ученой степени, должности, доходов, надежда на то, что потомки станут знатными вельможами. Действительность — это крушение надежд, всегда несбыточных для крестьян и ремесленников, собравшихся вокруг рассказчиков повестей. Бедные, забытые люди пребывают в великом страхе. Трудно найти защиту от разбойников и от судей. Доносят на самых близких, только бы отвести подозрение от себя. Прозвол беззакония рождает недоверчивость, воспитывает рабскую психологию. В «Повести о верной жене» попавший в неволю герой дважды предаёт верную жену, и рассказчик даже не осуждает его за это, но предоставляет возможность через много лет искупить вину и соединиться с любимой. А жена — пример того, как может быть человек высок в самых невыносимых, самых мучительных для духа и тела условиях.

Фантастическое — чаще всего, в форме превращений. Вид превращенного существа неотъемлем от реальности. Ян Бао в «Мести лиса» спас раненную в крыло желтую иволгу. Однажды к Ян Бао пришел одетый в желтый халат юноша с тонкими бровями и узкими глазами. Он подарил Ян Бао яшмовые кольца и сказал, что три поколения потомков Ян Бао будут занимать высокие должности при дворе. Произнеся же эти слова, он превратился в иволгу и улетел. Предсказание его сбылось. А дальше следует рассказ о том, как лис мстил за по-

хищенную у него старинную книгу. Он являлся в разных обликах.

Оборотню не присуще пустое наслаждение злом. Получив свою книгу, лис перестает преследовать похитителя. Потусторонняя сила бывает возвышенная и низменная. Она тянется к человеку. Сила низменная может сделать несчастным того, кого она полюбила. Белая Змея одаривает мужа украденными ценностями. Ей чужды понятия человеческого мира, и она не способна осознать пагубные последствия своей щедрости. Сила возвышенная облагораживает человека и приносит ему благополучие. Богиня морских вод показывает любимому горы чужого золота, но не дает его, а помогает добыть свое.

Фантастическое в повести приобретает бытовой характер. Жизненность же повестей поразительна. В них сосредоточен здравый смысл народа и тоска его по справедливости, утоляемая действиями преследуемых властями разбойников. Но и здесь рассказчик старается быть верным реальности, и не всякий разбойник творит благо.

Наш читатель встретит в старых китайских повестях многие знакомые ему мотивы, и среди них, например, в «Проделках Праздного Дракона» вечную мысль о человеке, который живет не в свое время, опоздав или поспешив родиться. В предисловии Виктора Шкловского интересны ассоциации, вызываемые повестью «хуабэнь», и сопоставления ее с европейской литературой.

Труды переводчика Д. Воскресенского, а также литературного редактора Ф. Протасова удался. Проявил внимание к нелепому оригиналу, выдержан тон повествования безыскусного и доверительного. Китайская книга стала русской, не утерев при этом присущего ей колорита. Мне кажется, что ей суждена долгая жизнь. Но долгая жизнь потребует переиздания, для которого придринки рецензента никогда не бесполезны.

В своем естественном стремлении к разговорному языку переводчик иной раз смешивает стили, и в одной и той же речи после «Как же это я запомнил!» герой произносит: «Найду первоклассного игрока...» Неуместны ни «грезь», ни тем более «беспробудные грезь». Когда написано, что герой проигрался, нужно ли переводить «он проигрался в лоск»? Или называть «ожалевшим от любви» человека, потерявшего от страстной любви покой?

В повести «хуабэнь» еще не может быть ярко выраженных речевых характеристик, а переводчик вкладывает в уста одного из героев: «...будешь миловаться со своим Фанем. Не исполнишь — порешу тебя». Не хотелось бы и таких обогащений, как произвольное удвоение глагола: «назвала и посоветовала», «разузною и выведаю», «хващается и бахвалится». Легко обойтись и без выглядящих претенциозно «исполнились времена и сроки» или «отошел в иной мир» там, где рассказчик прост и прям. Подобные переводческие поступки не всегда ведь безобидны — должен ли почтительный сын

без обиняков говорить родителям: «А когда вы отойдете в иной мир...»? Обращаемся к китайскому тексту: «Если случится с благодетелями моими по истечении века...!» Я не сторонник и замены китайских пословиц русскими («Рыбак рыбака видит издалека»), а также адаптированных китайских сравнений применительно к воображаемому нашему удобству.

Вообще с законным желанием заинтересовать читателя следует обращаться осторожно и постоянно проверять себя, порой терпима и даже приветствуема большая вольность и непростительная вольность самая малая. В повести «Игрок в облавные шашки» Гоннэ хочет покинуть родительский дом. Переводчик пишет, что «родители оробели и отступились». Робость родителей перед сыном — чрезвычайное происшествие. Ее и не было. В другой повести: «Не прошло после этого и месяца, как вдруг назначая весенние экзамены. Для китайского рассказчика не «вдруг», а только потому, что пришло время экзаменов на степень «цзиньши», герой расстается с молодой женой.

Переводчик привносит непривычную для повести тональность, когда пишет: «Высоким происхождением он не блистал». И уже не удивляешься, прочитав в другой повести: «Вскоре он с сожалением узнал, что девушка — дочь хозяина лодки». Но почему же с сожалением, о котором рассказчик и не думает говорить? Происхождение девушки не препятствовало женитьбе на ней в китайском обществе того времени. Очень важно, чтобы перевод донес до нашего читателя все, даже малые, обстоятельства жизни народа. В Китае с древности принято при расставании с другом провожать его за десять ли от города. Эти десять ли отмечались беседкой. Мы читаем, что «Лю Фан шагал рядом с другом более десяти ли», и нам как будто не в чем упрекнуть переводчика, но ведь написано, что Лю Фан проводил друга за десять ли и только тогда расстался с ним. Разве не жаль утерянной этой малости, в которой и частица быта и привязанность к другу?

В книге, что вполне естественно, много китайских названий. Иногда для удобства нашего читателя их можно опускать, иногда переводить и чаще транскрибировать. Но во всем этом — соблюдать меру, не ставить рядом название переведенное и транскрибированное, запутывая читателя в таких смешениях, как: «Путь к Одинокой горе украсился еще двумя каменными мостами: Оборванным мостом и мостом Сининця» или «Напомним, что в династию Тан главным украшением служил Цюйцзянский пруд, а в династию Сун — пруд Золотого Сияния».

О комментариях, необходимых в такой книге. Они кратки, достоверны. Однако хотелось бы больше хронологии, а не просто династийных имен. Не помешали бы и некоторые уточнения. Скажем, Сыма Сянжу игрой на цине пленил не девушку, а вдову (деталь для Китая по последствиям своим немаловажная); Янь Чжэнь-цин не только

каллиграф, а прежде всего поэт, как, кстати, и Ван Си-чжи; Гэ Хун не просто «алхимик», а автор философского трактата «Баопу-цзы»; знак «по» входит не в фамилию поэта Су Дун-по, а в имя; надо бы указать в примечании к «абрикосовым кушам», что знаменитое стихотворение это принадлежит танскому поэту Ду Му. В комментарии почему-то запрятана содержательная статья Д. Воскресенского об истории и свойствах повести «хуабэнь». Ей бы надо называться послесловием.

Книга оформлена художником Ю. Красным. Забавные, живые рисунки свидетельствуют о его одаренности, но и о том, что он не отяготил себя знанием предмета. Его иллюстрации — конгломерат некоего «Востока», собранного отовсюду. Художник настолько невнимателен к тексту и непочти телен к читателю, что, например, в повести «Две монахини и блудодей» вместо буддийских монахинь изобразил дам в прическах. Неужели среди всех переводчиков и редакторов, обозначенных на обороте титула и на последней странице, не нашлось ни одного усомнившегося?

Свои замечания рецензент рассматривает как возможные вехи на пути к будущему совершенствованию этой сейчас уже достойной похвалы книги.

л. ЭЙДЛИН

РУКОЙ, ЧТО ДРОЖИТ ОТ ЛЮБВИ

Сумако Фукао. Избранная лирика. Составитель Кисида Ясумаса. Переводы Евгения Винокурова. Редактор Ю. Левитанский. Предисловие П. Петрова. Москва, «Прогресс», 1966. 112 стр.

 этой книге есть строка, которая кажется мне принципиально важной. «Моя комнатка распространилась на целый мир», — удивляется поэтесса.

Со словом «камерный», в буквальном переводе «комнатный», произошла любопытная метаморфоза. Камерная музыка — это законно, это жанр. Искомое определение тут не более чем музыковедческий термин. Камерная поэзия — это постыдно, узко, несовременно. Однако же «камерность» не помешала Сумако Фукао стать одной из крупнейших поэтесс мира и не воспрепятствовала тому, что стихами ее заинтересовался Евгений Винокуров, поэт и переводчик, которого трудно упрекнуть в узости и несовременности. Очевидно, камерность камерности рознь, и в комнатке японской поэтессы действительно собрался весь мир.

«Чай», «Дверь», «Круглый стол», «Очаг», «Иголка» — названия этих стихотворений говорят как будто о верности извечному женскому началу, но какая протестующая страстность скрывается за ними! Два образа настойчиво преследуют поэтессу: образ откры-

СРЕДИ КНИГ